

Автобиографирование как процесс самодетерминации личности*

Е. Е. Сапогова

доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии Тульского университета

Представлен авторский анализ процесса автобиографирования, описаны его социальный и ментальный планы, аргументировано срединное положение автобиографического текста между нарративами и ментативами. Рассмотрены основные процессы автобиографирования: осознание цели повествования, создание самодостаточного речевого сообщения, использование индивидуального смыслового биографического тезауруса, ориентировка на индивидуально отобранные прецеденты, построение приватного ментального пространства личности. Введены понятия сюжетной схемы и жизненного (экзистенциального) модуса автобиографирования. Выдвинута и обоснована гипотеза о связи основных сюжетных схем и жизненных модусов с ведущими человеческими экзистенциалами. Выделены и с помощью авторской полупроективной методики «Модусы жизни» эмпирически изучены 12 модусов (жизнь как долг, жизнь как утрата, жизнь как геройство, жизнь как трикстерство, жизнь как авантюра и др.). Приведены обобщенные результаты авторского исследования предпочитаемых жизненных модусов и сюжетных схем в группах молодых (18–25 лет) и взрослых (40–52 лет) респондентов.

Ключевые слова: автобиографирование, нарратив, ментатив, социальный и ментальный планы автобиографии, сюжетная схема, жизненный (экзистенциальный) модус, семантическое пространство автобиографического текста, самодетерминация, идентичность, приватность.

Биографии людей часто бывали
интереснее, чем они сами...

И. Бродский

Науки о человеке пережили не один методологический «поворот», но, пожалуй, для современной психологии одним из наиболее значимых можно считать «лингвистический (интерпретативный) поворот» (поворот к «текстово-лингвистической парадигме») — тенденции анализировать факты как «репрезентации» дискурсивных механизмов [11]. Изначально связываемый с именами Г. Фреге, Б. Рассела, Дж. Мура, Л. Витгенштейна, он отразил давний исследовательский интерес к проникновению «за» язык, к раскрытию через язык сущностных характеристик человека [15; 16; 17]. В рамках этого поворота было содержательно расширено и даже в каком-то смысле психологизировано понимание традиционно принадлежащих лингвистике терминов «язык», «текст», «сюжет», «дискурс», «знаковая система», «значение», «концепт», «метафора», «мотив» и др., и сегодня модный тренд «linguisticity» («лингвистичность») обнаруживается в разнообразных исследованиях по философии, социологии, психологии, культурологии, этнологии.

Совмещение контекстов рассмотрения законов производства значений, построения высказываний в языке и законов функционирования человеческого сознания открыло новые перспективы их анализа, создало возможности для развития таких междисциплинарных областей, как психолингвистика, психосемиотика, психогерменевтика, психосемантика, когнитивная лингвистика, нарративная психология и др.

Начальные исследования нарративов были связаны по преимуществу с историей (А. Данто, Х. Уайт, Р. Ингарден, Ф. Кермоуд, Р. Анкерсмит и др.), литературоведением, филологией (В. Я. Пропп, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский, О. М. Фрейденберг и др.), затем нарративная парадигма стала востребованной и в других гуманитарных областях. Если в 1980-х гг. нарратив изучался преимущественно семиотически, то с 90-х гг. он становится и психологическим объектом. В частности, феномен автонаррации, автобиографические тексты, истории, рассказываемые с разными целями о себе, творческие продукты, несущие индивидуальные

* Статья подготовлена в 2011 г. при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 10-06-00152 а).

символы и смыслы, прецедентные конструкторы, используемые для упорядочения собственной жизни, становятся значимым материалом в изучении личности, индивидуального сознания, жизненного пути. В этом направлении выполнен целый ряд теоретических и прикладных исследований зарубежных (J. Bruner, G. S. Gregg, J. A. Holstein, J. F. Gubrium, C. Kohler, D. P. McAdams, J. Olney, A. Lieblich, P. J. Eakin, S. Smith & J. Watson, G. D. Fireman, T. E. McVay, O. J. Flanagan, M. C. Green, H. J. M. Hermans & E. Hermans-Jansen, G. Yancy & S. Hadley и др.) и отечественных (Е. Г. Трубина, В. Тюпа, С. Зенкин, И. П. Ильин, А. Р. Усманова, Н. Ф. Калина, Е. С. Калмыкова и Э. Мергенталер, Н. В. Савельева, Е. С. Жорняк, А. О. Преображенская, С. Д. Полищук и др.) философов, психологов и психотерапевтов. Многие из них опираются на положения европейской постмодернистской философии, семиотики и нарратологии (Р. Барт, П. Рикёр, М. Фуко, Ж. Делёз, К. Бремон, Ж. Деррида, Г. Г. Гадамер, Ф. Джеймисон, Ж. Женнет, А. Ж. Греймас, Ж. Куртье, Э. Ауэрбах, В. Шмид, Т. Павел, Ф. Анкерсмит, У. Эко, Ц. Тодоров, Ю. Хеннингсен, Ж. М. Адам, Дж. Принс, Ш. Римон-Кеннан, Т. Р. Сарбин и др.), а также на практики нарративной психотерапии (М. Уайт и Д. Эпстон, К. Джерджен, Р. Харре, Дж. Фридман и Дж. Комбс, А. Морган и др.). На основе нарратологических объяснительных схем в последние годы изучается память (особенно автобиографическая) и понимание (Н. Стайн, К. Гленн, В. В. Нуркова).

Наше исследование индивидуальной нарративности, семантического пространства автобиографических нарративов также выполнено на своеобразном «гуманитарном перекрестке», образованном нарративной и экзистенциальной психологией, психологией личности, культурно-исторической и конструктивистской парадигмами, психосемиотикой, психологической антропологией, когнитивной лингвистикой. Центр наших изысканий в области автобиографирования образуют вопросы, как и в какой мере люди самоопределяются значениями, символами, архетипами, литературными историями, собственными концептами и текстами о себе, как усвоенные сюжеты и персонажные образы структурируют и семантизируют накапливающийся жизненный опыт человека, каким образом прецедентные истории участвуют в процессах идентификации, самопонимания, самопроектирования, самотерапии и т. д. Наиболее увлекательными аспектами этого проблемного поля выступают психологические характеристики ментального (семантического) пространства автобиографического текста [14; 24; 29] как комплекс субъективно отобранных и ассоциированных друг с другом фрагментов жизненного опыта и представлений о себе, как результат автоинтерпретации событий, впечатлений, переживаний собственного жизненного пути.

Мы предполагаем, что автобиографические повествования занимают динамичное срединное положение между *нарративами* (разнообразными художественными, прозаическими текстами) и *ментативами* (научными, философскими, публицистическими, эссеистическими текстами, эпистолярными, дневниковыми записями и другими «Это-документами»), но если «в

нарративе доминирует референция к «протяженности» хронотопа», то «в ментативе — референция к мышлению как таковому и его речевой форме» [13, с. 55]. Субъект может использовать нарративную или ментативную форму в зависимости от целей автобиографирования: «чем выше плотность характеристик конкретности, случайности, «несовпадения с действительностью»» (и в этом смысле — событийности, противопоставленной процессуальности) в референтном поле речемыслительного произведения, тем востребованнее нарративная форма, а чем выше плотность характеристик неслучайности, объективности (и в этом смысле — процессуальности) референций, тем более востребована форма ментатива» [там же, с. 58]. При использовании нарративного способа в самоповествовании актуализируется хроникально-событийная цепочка «Кто (Что)? — Где? — Когда? — Как?...», при ментативном способе субъект более ориентирован на смысловую связку «Что это означает? — Почему это возможно? — Зачем это было нужно? — При каких условиях это происходит? — Чем это подтверждается? — А если бы было иначе, то каким образом...?». Если автобиография строится автором для социальной презентации, она больше тяготеет к нарративной форме, осюжетиванию и включению прецедентных единиц; если же автобиографический текст выполняет функции экзистенциальной рефлексии и самоинтерпретации, предназначен для «внутреннего пользования», то он в большей степени ментативен.

Составляя в определенный момент времени автобиографический текст, человек (даже «ненарративный» [43] — не тяготеющий к осмыслению и осюжетиванию собственной жизни) всякий раз реконструирует реальность собственной жизни на основе того, что он о ней думает, как оценивает свершившееся в ней, что считает главным, как эмоционально переживает включаемые в нее фрагменты, в какой мере принимает во внимание реальные контексты жизненных происшествий и т. д. В автобиографировании мы имеем дело не просто с линейной цепочкой связанных жизненных фрагментов, а с комплексом разнообразных повествований о себе, объединенным значимым для субъекта экзистенциальным концептом, где он, хотя и выступает в разных ролях и позициях [40], демонстрирует внутреннее смысловое единство, «верность самому себе» (автобиографические тексты всегда Я-центрированы).

Субъективная реконструкция пережитого (свершившихся событий, наблюдаемых происшествий, рефлексии содержания прочитанных книг, усвоенных из дискурсов и социальных практик и ставших значимыми концептов и т. п.) становится *способом обретения и конструирования идентичности*, а ключевые семантические мотивы и сюжетные схемы выступают для человека своеобразными *психологическими орудиями* [7] для упорядочивания, осмысления и последующего планирования собственной жизни. В этом плане мы не согласны с Г. Стросоном, выступающим против тезиса нарративной психологии, что *субъективное переживание жизни всегда представлено в повествовании* и что

можно обращаться к своему прошлому, переживать процессуальность и темпоральность жизни, не накладывая при этом на свои переживания устоявшихся сюжетов [43]. Если человек для какой-то надобности создает повествование о себе, в нем центральным объединительным компонентом обязательно выступает отношение к себе, к жизни вообще и ее переживаемым, текущим моментам, к другим людям, к миру в целом и т. д., адресуемое реальному, потенциальному или виртуальному слушателю. Без этого отношения биография сведется к хронике, к линейности жизнеописания, утратит свою индивидуальность и даже в какой-то мере уничтожит сам смысл повествовать о себе. Феноменально *переживать* процессуальность и темпоральность жизни во внутреннем плане сознания, вероятно, можно, но *осмыслить* ее и *повествовать* о ней, не используя упорядочивающих и способствующих пониманию сюжетных архетипических или неких иных социальных «мерок», значит рисковать остаться непонятым — не донести до себя и других особенности и нюансы собственных отношений, ценностей и переживаний жизненного опыта. В этом плане стоит отметить позицию Б.Чарнявски, которая считает нарративизацию как таковую формой «референциального контракта» между повествователем и его адресатом [41], подразумевающего, что повествователь придает своему жизненному опыту форму, делающую его понятным, экзистенциально привлекательным, проблемным, интригующим и достойным подражания. Это делается для того, чтобы привлечь внимание другого, живущего своею жизнью, к определенным «сильным» точкам индивидуального бытия, сделать значимыми «точки бифуркации» уникального опыта субъекта — за счет обращения к нарративизации автобиографирование «дрейфует» от полюса ментатива («понимаемое») к полюсу нарратива («понятное»).

Метафорически автобиография может быть определена как «текстовая идентификация жизни» [35], «репрезентация событий жизни» [1] или, что еще точнее, как «мыслительная жизнь» личности, «мышление в жизни», посредством которого мы «находим свое место в мире и жизни» [21, с. 29]: «лишь находясь в состоянии невыразимой мысли, мы оказываемся в состоянии страсти доказательства миру своего существования. Когда страстно стремимся доказать, что живем вовсе не случайно, не напрасно. Почему? Потому что если бы было иначе, то, испытывая, например, чувство любви, мы казались бы себе лишними. Кому в мире нужна высота несомненных для меня переживаний, если в нем уже на все есть ответы, всеми испытана и любовь, и ненависть, и честь, и бесчестье? Зачем снова с такой остротой все это переживать? Эта неуместность меня в мире и обращает вопрос о мышлении в вопрос о бытии» [там же, с. 37]. Мыслимая автобиография позволяет человеку быть одновременно и объектом самонаблюдения, и субъектом собственного жизнетворчества; рассказывая о себе другим или самому себе, он ментально дистанцируется от собственного актуального бытия, делает его отстраненным, и в то же время строит и прожива-

ет свою жизнь, самоопределяясь, среди прочего, выделяемыми и понимаемыми значениями ее предшествующих и планируемых на будущее событий и происшествий. Будучи рассказанной не один раз с разными целями, на разных отрезках жизненного пути, с разным уровнем глубины самопонимания и рефлексии происходящего, автобиография становится своеобразным *синтезом осознания/означивания смыслов собственной жизни и уникального существования субъекта в бытии*. Можно говорить и о том, что посредством рефлексивно-интерпретативного обращения к собственной жизни, посредством автобиографирования человек постоянно *составляет себя* вновь и вновь, «создается. Непрерывно, снова и снова создается. Создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий» [20, с. 58].

Повествуя вовне о себе и своей жизни, субъект естественным образом прибегает к известным ему нарративным формам и сюжетным схемам, помогающим конструировать и представлять для других собственную жизнь такой, какой она им понята и принята. Одновременно автобиографическое повествование является «испытательным полигоном» для моделирования множества вероятностных жизненных проектов, в которых субъект ищет и утверждает свою целостность, свое «Я». Здесь уместно вспомнить идею Я. Хинтикки о «возможных мирах» [36] личности, которые определяются как «состояния сознания субъекта, ориентированного на воспоминание или на представление будущего, погруженного в творческую фантазию или подверженного сомнениям» [24, с. 20]. Автонаррация в этом плане дает возможность не только реально пережить небывалость и несбыточность некоторых аспектов своего бытия [33; 38], но и планировать то, что человек считает возможным для себя «в этой жизни», о чем мечтает, что хотел бы воплотить. Таким образом, каждый текст о себе есть совокупность не только того, что было, но и того, что могло бы быть в индивидуальной жизни, и растущий объем несвершившихся в жизни фактов устанавливает для личности значение и перспективу тех, что свершились [33].

Созданные личностью автобиографические тексты являются хорошим материалом для понимания ее ментальных конструкций, внутренних противоречий, проблем, идеалов, ценностей. Что значит выстроить автобиографический текст, рассказать о себе? На наш взгляд, в саморассказывании можно выделить несколько существенных процессов.

1. *Осознание цели самоповествования*: человек может рассказывать о своей жизни и о себе другому человеку, преследуя цели разнообразной самопрезентации, или же самому себе (в том числе в дневниковых записях и других «Эго-документах»), преследуя цели самопонимания, самообъяснения.

Как *социальный* феномен повествуемое «Я» ориентировано на других, на самопрезентацию определенного образа себя и призвано представить свою жизнь интересной, привлекательной, осмысленной, полной значений и в целом достойной стать предметом подражания для слушателя. Стремление субъекта выска-

зять, выговорить свою подлинность другому и при этом остаться психологически понятным, понятным и адекватным дискурсивным контекстам задает как формы автобиографического повествования [3, с. 390], так и содержательные уровни автобиографирования.

Как *ментальный* феномен повествующее «Я» («Я» выговаривающее и «высвечивающее» себя, в терминах М. Хайдеггера) ориентировано на глубинные внутренние цели самонахождения, самоопределения, самоосмысления, самопонимания и самопринятия — оно и есть, по сути, основной предмет построения содержания автобиографического нарратива. «Активное самосозерцание», которое обеспечивает автобиографированием, предполагает внутреннее совмещение самого себя с разнообразными формами самоинтерпретации [19, с. 333–334]. Это совмещение (или столкновение) со своими «другими Я» (желаемыми, социально приемлемыми, идеальными, нафантазированными, парциальными и пр.) позволяет насытить представления о себе дополнительными смыслами и даже придать им онтологический импульс для воплощения в реальность (т. е. способствует *самоинициации*), или, наоборот, «снять» смысловую нагрузку с реализуемых ранее стратегий и «образов Я», помыслить и попытаться выстроить себя как «Я-иное», смоделировать новые контексты для интерпретаций. Кроме того, здесь ищутся ответы на *вопросы, которые личность ставит себе сама*, исходя из тех аспектов накопленного жизненного опыта, которые полагает единичными, уникальными, имеющими отношение к нему и только к нему.

2. *Создание функционально завершенного, «информационно самодостаточного речевого сообщения»* [12, с. 72], ориентированного на потенциального понимающего слушателя, содержащего осознанный временной итог рефлексии субъектом событий, впечатлений, переживаний своей жизни. Речь идет о том, что отображенное и амплифицированное в когнитивном и эмоциональном планах событие в автобиографическом повествовании имеет не только онтологический и нарративный, но также экзистенциальный статус. Человек как создатель нарратива в чем-то противостоит и уж точно ментально противопоставляет себя «хаосу уже состоявшихся событий» (выражение Х. Уайта), придавая своему бытию осмысленность и упорядоченность: «он создает его, включая одни события и исключая другие, выделяя одни и затемняя другие. Этот процесс исключения, выделения, подчинения проводится им ради создания рассказа определенного рода» [23, с. 65]. И тогда события «происходят», если субъект строит рассказ о них, руководствуясь собственными смыслами и целями, и «не происходят», если он не желает принимать их во внимание, не имеет намерения распаковать их смыслы. Иными словами, биографическая наррация «легализует» и легитимизирует некое событие в индивидуальном бытии человека или придает выдуманное и включенным в нее событиям онтологический или хотя бы нарративный статус. Таким образом, в автобиографии «факты не даны нам, а

скорее, *взяты нами*» [2], и именно поэтому в настоящем «существуют надежды и планы, сражения и идеи, но только в ретроспективных рассказах есть *несбывшиеся надежды, расстроенные планы, решающие сражения и продуктивные идеи*» [42, с. 557].

3. *Создание и применение индивидуального смыслового биографического тезауруса* [37], в котором используемые личностью понятия максимально точно соотнесены с рефлекслируемыми фрагментами жизни и ее собственными особенностями. При построении автобиографического текста для человека часто важно не столько *обобщенное значение*, результат прошедшего в его жизни, сколько само *переживание процесса* и обстоятельства его достижения, в котором обнаруживаются объяснения, оправдания, преимущества, принятие, удовлетворение, любование, отступление, экзистенциальные находки, надежды и другие субъективно насыщенные аспекты жизни. Известный афоризм говорит, что жизнь состоит из мелочей, и, действительно, именно мелочи, детали, подробности, тесно связанные с непосредственными когнициями, чувствами и оценками субъекта, *персонализируют* биографию, открывая прежде всего самому рассказчику ее новые измерения, иначе любая жизнь укладывалась бы в «родился, крестился, женился, умер». Так, к примеру, «война» для конкретного человека предстает вовсе не как «конфликт между политическими образованиями, происходящий в форме боевых действий между их вооруженными силами», а как «холод», «огонь», «стыд», «страх», «боль», «страдание», «бой», «кураж», «позор», «трусость», как «хлеб», «баня», «контузия», «ранение», «письмо», «утрата» и т. д. [37]. Именно в этих фрагментах осуществляется своеобразное «смешивание» субъективности с реальностью, которым задается дальнейшая нераздельность, слиянность жизненного опыта с воспринятой реальностью, и человек принимает свое переживание жизни за знание проживаемой жизни в целом (так, для пережившего блокаду человека «война» — это всегда прежде всего «голод», а вовсе не «бой», «сражение» и т. п.). И тогда каждая единица биографического нарратива (событие текста) есть не столько событие само по себе, сколько нераздельная слитность «Я-в-событии», «Я-этого события». М. Н. Эпштейн предлагает называть такие единицы биограммами (вероятно, отталкиваясь от термина Р. Барта «биографема» [4, с. 49]), понимая под ними «структурные единицы жизненного целого» (например, «дружба», «одиночество», «встреча», «разлука», «учеба», «болезнь», «замужество», «роды» и т. д.) [37]. При создании автобиографического нарратива человек всякий раз располагает необходимые ему биограммы в определенном временном порядке в зависимости от ретро- и проспективной интерпретации, которой подверглись прожитые эпизоды жизни. И именно эти образно-смысловые единицы выразят и сохранят многое из континуального, текущего, порой почти невыразимого словесно, а потому быстро утрачиваемого персонального опыта проживания человеком своей жизни. Как указывает М. К. Мамардашвили, «если я не осуществляю личностный

акт, то через меня же этот мир уйдет в небытие. И в нем никогда не будет чего-то, что могло бы быть...» [21, с. 111]. В этом смысле процесс автобиографирования есть безусловный личностный акт.

4. *Ориентировка на комплекс индивидуальных отобранных прецедентов* — выбор из освоенных социокультурных ресурсов и использование в качестве своеобразной жизненной мерки того, что, как человеку кажется, имеет к нему непосредственное отношение. Эти выборы, совершаемые в рамках социализации и инкультурации, определяют основную идею, «экзистенциальный модус» автобиографии («жизнь как подвиг», «жизнь как страдание» и т. п.) и форму повествования о себе («трагедия», «фарс» и пр.). Это отобранное содержание воспринимается как персональный прецедент, который в автобиографическом повествовании переплавляется с собственным жизненным опытом и всякий раз позволяет человеку «отлить жизнь по себе» (П. А. Флоренский). Нельзя не согласиться с М. К. Мамардашвили, что «чаще всего мы живем чужой жизнью, а не своей, думаем чужие мысли, питаемся отходами чужих чувств. И если мы будем соотносить их с изначальностью себя как существа, думающего свои мысли и переживающего свои чувства, то только тогда начнем понимать что-то о самих себе» [там же, с. 39]. В этом плане процесс автобиографирования можно описать как процесс когнитивного наложения системы усвоенных культурных прототипов, моделей и нарративных форм на рефлекслируемую цепочку индивидуальных жизненных случаев.

Если прецедентный ресурс невелик, то человек часто мыслит и излагает свою биографию как незамысловатую хронологию ряда нормативных жизненных событий, не включая в нее моменты индивидуального самообъяснения, самооправдания, самопроектирования, метафоризации и пр. Текст такой биографии, как правило, не содержит заметных следов внутренней работы над трансформацией событий жизни в события текста, и сам человек обычно считает, что ему практически нечего рассказывать о себе такого, что бы отличало его жизненный путь и жизненные искания от других.

Объем семиотического ресурса зависит от возраста повествователя, от того, много ли он думает, коммуницирует, читает, хранит ли накопленные единицы опыта в культурной памяти, воодушевляется ли прецедентами, от того, какое он имеет образование, в каких условиях протекает его жизнь, какие образцы для идентификации ему доступны, каков круг его межличностного общения, как он относится к случайностям, «чувствует» ли судьбу, предназначение, осознает ли свою «миссию в бытии», готов ли к самоанализу и т. д. У большинства людей в результате синтеза рефлексии жизненного пути и осознания общечеловеческих, архетипических семантических конструкций жизненного опыта постепенно создается собственный внутренний «канон» концептов, текстов, сюжетов, персонажей, копинг-стратегий, на основании которого строятся «биографемы» и осуществляется самоосмысление и само моделирование. И тогда автобиографический нарратив, во-первых,

опирается на прецедентную для субъекта сюжетно-персонажную канву, а во-вторых, содержит следы внутренней смысловой работы, превращающей хронику жизни в аутентичный авторский текст, фиксирующий ключевые точки осознания субъектом собственной личностной подлинности. Индивидуально отобранными концептами и сюжетами человек пользуется как некой виртуальной меркой (как говорит А. А. Леонтьев, слова общаются душе «собственную форму» [15, с. 335]) для распознавания значений и построения смыслов того, что с ним происходит, а также для понимания роли индивидуальных уклонений собственной жизни от нормативной линии. В таких текстах субъект выступает уже не только как автор собственной жизни [22], но и как субъект житнетворчества [18].

5. *Построение приватного ментального пространства* — внутренней «сцены» или пространства приватности, где человек, по выражению М. К. Мамардашвили, «честно мыслит» [21, с. 10], ведет глубоко интимную «одинокую беседу с самим собой» [10, с. 167]. В этом внутреннем пространстве возможно экзистенциальное экспериментирование в целях достижения определенного понимания себя, самополагания и самопроектирования. В нем «существует это особое состояние некой пронзительной и одновременно отрешенной, какой-то ностальгической или сладко тоскливой ясности, относительно которой имеет смысл задавать вопросы» [там же]. Никакой прецедентный текст, даже самый лучший, не заменит и не создаст человеку самого себя, его нужно проживать, совмещать с самим собой, вложить в него себя (часть своих смыслов), действовать с ним именно «в момент, когда...» [21, с. 102] — и только в процессе такого самодействования прецедентный текст раскрывает свое содержание личности именно как «ее собственное» содержание. И если есть это взаимовхождение, то в жизненном мире личности становятся возможны какие-то *определенные* переживания, происшествия, мысли. Этой «сцепкой» собственная жизнь личности приводится в некоторое внутреннее движение, которое означает, что человек «здесь-и-теперь» будет жить и развиваться *определенным образом*.

Приватность является одним из необходимых условий автобиографирования. Мы предлагаем понимать ее как один из возможных «режимов» рефлексивного функционирования самосознания («активного самосозерцания»). И тогда ее главная характеристика и назначение состоят в том, что она, обращая сознание к своему носителю, ограничивает в нем то сокровенное внутреннее пространство, в котором человек пребывает наедине с самим собой, переживает себя *подлинным, истинным* — самим собой, как он есть, вне прямого оценивания себя через призму освоенных социальных ролей и завоеванных статусных позиций. Приватность выступает как в той или иной мере протяженная зона персональной *экзистенциальной рефлексии*, в которой осуществляется самопонимание и — главное — согласование себя-наличного и себя-проектного, каким человек хотел бы видеть себя в будущем. Как писал М. М. Бахтин, «осознавать себя самого активно — значит освещать себя предсто-

ящим смыслом» [5, с. 169, курсив наш. — Е. С.]. Переживание приватности функционально и содержательно совмещается с процессами самоинтерпретации: здесь ищутся ответы на *вопросы, которые личность ставит себе сама*, исходя из тех аспектов накопленного жизненного опыта, которые полагает единичными, уникальными, имеющими отношение к нему и только к нему. Таким образом, приватность выступает как условие осознания человеком своей подлинности и самобытности, путей самопостижения, характеристик бытия самим собой.

Приватность дает возможность человеку переживать себя в буквальном смысле «персоной *per se*» («для себя») и принимать себя как «себя-другого», как некую противостоящую повседневному «Я» [за]данность, укорененную в самом бытии. В эти моменты «человек есть свободный исполнитель своей темы, и это осуществление себя, выявление своей данности-заданности, раскрытие своего существа, осуществление в себе своего собственного подобия и есть творчество, человеку доступное. Поскольку создание своего подобия есть общая и неотменная основа творения человека, его творчество и вместе с тем самотворчество, саморождение, определяет самое общее содержание человеческой жизни» [6, с. 352].

В практическом изучении психологического содержания автобиографирования мы предположили, что оно строится и повествуется с целью осмысления и конструирования собственного «Я», а также планирования своей жизни на основе извлечения необходимых личности смыслов из ее уже свершившихся эпизодов. В теоретическом плане нас прежде всего интересовало, какие варианты (модусы) экзистенциального самоопределения современные респонденты предпочитают реализовывать своей жизнью; действительно ли в автобиографическом нарративе прослеживаются прецедентные (архетипические) сюжетные схемы; в практическом — есть ли разница в предпочтении сюжетных схем и экзистенциальных модусов в группах молодых и зрелых респондентов. В более общем виде речь фактически идет об индивидуальной склонности человека к выбору той или иной судьбы и самопрограммированию собственной жизни в соответствии с выбранным прецедентным модусом, особенно если согласиться с определением судьбы, предложенным Л. Сонди: «судьба — это совокупность всех возможностей экзистенции, среди которых индивид может выбирать, но не всегда, а в наиболее благоприятных случаях» [31, с. 71], «это выбор и принятие задач, имеющих конечной целью становление человека» [там же, с. 160]. Выбор помогает человеку ставить перед собой задачи, которые будут ему по силам, и брать на себя ответственность, адекватную осознаваемой собственной «бытийной силе» [там же, с. 162].

В нашей исследовательской работе мы использовали рабочее понятие *сюжетной схемы* автобиографического нарратива, под которой понимали бессознательно принятую самим субъектом в качестве логики совершающейся жизни последовательность событий в повествовании, определяемую смысловым

центром — одним из возможных экзистенциальных концептов (модусов жизни). В анализе и дальнейшем отборе основных сюжетных схем, используемых для конструирования автобиографического нарратива, мы прежде всего опирались:

1) на классификацию сквозных (интертекстуальных) литературных сюжетов Дж. Польти [25], полагая, что цепочки из выделенных им 36 «бродячих» мотивов (спасение, внезапное несчастье, бунт, достижение, фатальная неосторожность, самопожертвование во имя идеала и др.) способны образовать сюжетную канву повествований разных типов, в том числе и автобиографического нарратива;

2) описанную В. Я. Проппом 31 функцию персонажей волшебных сказок [26] (нарушение запрета, обман, недостача, получение волшебного средства, возвращение, преследование и т. д.);

3) анализ повествовательного мотива, представленный в работе И. В. Силантьева, в частности, мотива встречи [28, с. 140—259];

4) теоретические идеи Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, высказанные в отношении моделирующих семиотических систем в русской культуре [9];

5) некоторые идеи, сформулированные Л. Сонди в разработке концепции судьбоанализа [30; 31];

6) аргументы К. Букера, связанные с выделением семи базовых сюжетных схем, используемых в современной литературе [39].

Анализируя выделенные указанными авторами сюжетные плоты и функции в контексте автобиографирования, мы предположили, что они содержательно соотносятся с потенциальными жизненными стратегиями — *модусами жизни*, которые, в свою очередь, связаны с основными человеческими экзистенциалами [8; 27; 34] и предполагают при их реализации определенную линию переживания, рассуждения, действия, планирования. Мы полагаем, что в автобиографировании человек самоопределяется смыслами пережитых или принятых за таковые событий и обстоятельств.

В качестве основных рабочих модусов анализа автобиографий мы выделили следующие: 1) потеря; 2) приобретение; 3) испытание; 4) геройство; 5) трикстерство; 6) авантюра; 7) долг; 8) любовь; 9) странничество; 10) хранение; 11) вера; 12) жертвенность. Каждый модус был нами содержательно описан с точки зрения 20 словарных единиц, раскрывающих значение «ядерного» слова. Эти значения были предложены девяти психологам, философам и филологам, которых мы попросили выполнить экспертные функции, отобрав в каждом случае из 20 лишь 10 значений, наиболее прочно, по их мнению, ассоциативно связанных с ядерным словом. Обобщая по частоте экспертных выборов содержательное наполнение этих экзистенциалов-стратегем, мы смогли описать 12 различающихся между собой жизненных модусов.

Модус 1. *Жизнь как процесс постоянных утрат* (Я — теряющий). Ему соответствуют основные сюжетные схемы с мотивами: 1) утраты; 2) беды; 3) несчастья; 4) убыли; 5) запрета, ограничения; 6) унич-

тожения; 7) поражения; 8) проигрыша; 9) лишения; 10) неудачи.

Модус 2. *Жизнь как процесс постоянного приобретения* (Я — обретающий, получающий). Ему соответствуют сюжетные схемы: 1) находка; 2) овладение, захват; 3) успех, удача; 4) прибыль; 5) обретение; 6) признание; 7) накопление; 8) наличие; 9) развитие; 10) дарение, наследование.

Модус 3. *Жизнь как испытание* (Я — проходящий испытания). Ему могут соответствовать сюжетные схемы: 1) инициация, посвящение; 2) бунт, противодействие; 3) борьба; 4) конфликт, спор; 5) соперничество, состязание; 6) ошибка; 7) спасение; 8) защита; 9) преследование; 10) подменность.

Модус 4. *Жизнь как героичество* (Я — совершающий героические действия, поступки во благо других). Ему могут соответствовать сюжетные схемы: 1) достижение; 2) победа; 3) активность, усилие; 4) деятельность, организация; 5) подвиг; 6) поступок, преодоление; 7) творчество, креативность; 8) дар; 9) благодеяние; 10) созидание, демиургичность.

Модус 5. *Жизнь как трикстерство* (Я — насмехающийся и противоречащий, живущий вопреки стандарту, норме). Ему могут соответствовать сюжетные схемы: 1) насмешничество, карнавальность, обесцененность; 2) вредительство; 3) подлость; 4) предательство; 5) профанность; 6) несерьезность; 7) демонстративность, эпатаж; 8) неустойчивость, незавершенность; 9) противоречивость, амбивалентность; 10) неверность, самообман.

Модус 6. *Жизнь как авантюра, приключение* (Я — рискующий и пробуемый). Ему, на наш взгляд, соответствуют сюжетные схемы: 1) выбор; 2) риск; 3) игра; 4) случай; 5) авантюризм; 6) попытка; 7) проба; 8) вероятность, азарт; 9) возможность; 10) удача, везение.

Модус 7. *Жизнь как долг* (Я — обязующийся). Ему соответствуют сюжетные схемы: 1) долг; 2) ответственность; 3) необходимость; 4) обязанность; 5) предназначение, миссия; 6) справедливость, возмездие; 7) правота; 8) упорядоченность; 9) осмысленность; 10) сверхзначимость.

Модус 8. *Жизнь как любовь* (Я — любящий). Ему соответствуют сюжетные схемы с такими мотивами, как: 1) любовь; 2) близость; 3) дружба; 4) забота; 5) доброта, милосердие; 6) совместность, причастность; 7) единение; 8) единомыслие; 9) коллективность; 10) участность, общность.

Модус 9. *Жизнь как странничество* (Я — странник, искатель). Ему соответствуют сюжетные схемы с такими мотивами, как: 1) странничество; 2) встреча; 3) духовные искания; 4) уход; 5) отшельничество; 6) одиночество; 7) метания, сомнения; 8) поиски; 9) непостоянство; 10) свобода.

Модус 10. *Жизнь как хранение* (Я — хранитель). Ему соответствуют сюжетные схемы с такими мотивами, как: 1) хранение, сохранение; 2) сбережение; 3) охрана; 4) ритуальность; 5) традиционность; 6) консерватизм, приверженность чему-либо; 7) памятьливость; 8) реликварность; 9) исконность, простота; 10) устойчивость, постоянство, стабильность во времени.

Модус 11. *Жизнь как вера* (Я — верующий, адепт). Ему соответствуют сюжетные схемы: 1) вера; 2) упование; 3) надежда; 4) связь с высшим началом, просветление; 5) убежденность; 6) истовость; 7) духовное наставничество; 8) проповедование, убеждение; 9) фатализм; 10) духовное освобождение.

Модус 12. *Жизнь как жертвенность* (Я — приносящий себя в жертву, служащий чему-либо). Ему соответствуют сюжетные схемы с такими мотивами, как: 1) жертвенность, виктимность; 2) самоотдача; 3) уступчивость; 4) помощь; 5) поддержка; 6) служение, инвестирование, вклад своей личности в других; 7) зависимость; 8) аскетизм; 9) самопожертвование; 10) бескорыстие.

Эти сюжетные схемы могут иметь разное текстовое и бытийное воплощение, но ими, в принципе, очерчивается основная прецедентная экзистенциальная идея, которой человек подчиняет жизнь, и внутренняя логика, приписываемая им течению и событиям собственной жизни. Принятая логика воспроизводится автобиографическим нарративом, выполняя в этом случае упорядочения не только функцию жизненных происшествий и извлечения из них смысла, но и планирования, конструирования жизни на будущее.

На основе выделенных модусов была разработана авторская полупроективная методика «Модусы жизни», представляющая собой опросник для выявления конгруэнтности содержания указанных выше модусов автоинтерпретации респондентов. Тем самым мы стремились ответить на вопрос, какими прецедентными модусами руководствуются люди, планируя и конструируя, интерпретируя и пытаясь понять собственную жизнь.

В ходе исследования группам из 40 молодых (18–25-летних) и 40 взрослых (40–52-летних) респондентов, равно распределенным по полу, было предложено мысленно обратиться к реконструированию своей биографии и соотнести предложенные событийные категории с собственной жизнью и представлениями о ней, выбрав в бланке (табл. 1) со случайным перечнем 120 сюжетных линий: 1) схемы, которые уже реализовались в их жизни (графа «это уже было в моей жизни»); 2) схемы, которые, как им кажется, могут свершиться в ней (графа «это вполне может произойти в моей жизни»); 3) схемы, которые им очень хотелось бы пережить (графа «хочу, чтобы это свершилось»); 4) схемы, которых хотелось бы избежать в жизни (графа «хотел бы этого избежать»); 5) схемы, которыми, как им кажется, они могут управлять путем самостоятельных выборов и поступков (графа «это произойдет по моей собственной воле»).

Исследование проводилось индивидуально без ограничения времени, после чего на данном этапе работы анализировалось общее число выборов, набранных респондентами по каждому из 12 модусов, что позволяло делать заключения, какими потенциальными стратегиями, экзистенциалами и прецедентами руководствуются и «самопрограммируются» люди разных возрастных групп. Для этого каждому сделанному в любой графе конкретного модуса («было», «хочу»,

Таблица 1

Бланк методики «Модусы жизни»

Уважаемые друзья, просим вас принять участие в биографическом исследовании и выполнить следующее задание: из понятий и высказываний предложенной таблицы выберите те, которые, как вам кажется, имеют отношение к вам и вашей жизни. Отметьте в следующих графах любыми значками, что уже свершилось в жизни, что может в ней произойти, то, что вы хотели бы пережить и чего хотели бы избежать, а также то, что может произойти в жизни, только если вы того захотите. В каждой строке значки должны быть поставлены сразу в нескольких графах (например, «уже было», «может произойти», «хочу, чтобы произошло»). Вы также можете пропустить высказывание (строку), если оно, по вашему мнению, к вам вообще не относится, но не пропустите много высказываний, старайтесь приложить общий смысл каждого из них к событиям и переживаниям своей жизни. Исследование проводится анонимно, поэтому в пункте «Имя» вы можете использовать любой ник, девиз или набор букв и цифр, но не забывайте указать свой пол, возраст и дагу заполнения опросника. Спасибо!

№	Высказывания о событиях и переживаниях, имеющих отношение ко мне и моей жизни	Это уже было в моей жизни	Это вполне может произойти в моей нынешней жизни	Хочу, чтобы это свершилось в моей жизни	Хотел бы этого избежать	Это произошло, если сам(а) этого захочу
1	Утрата: в моей жизни много всяческих утрат					
2	Находка: в моей жизни случаются разные счастливые находки					
3	Инициация, посвящение: моя жизнь наполняется важными для меня входениями и посвящениями в новые сферы реальности					
4	Достижение: в жизни я многого достигла					
5	Запрет, ограничение: моя свобода часто ограничивается, ей ставятся рамки и границы					
6	Овладение, захват: мне в жизни нравится чем-то овладеть, что-то получить, захватывать					
7	Насмешничество, карнавальность, обесцененность: я живу весело, в моей жизни все смешно, несерьезно, неглубоко, празднично					
8	Выбор: я часто становлюсь перед выбором, жизнь заставляет делать выбор					
9	Лишение: я чувствую себя лишенной в жизни чего-то значимого					
10	Долг: я живу, исполняя понятный мне внутренний долг					
11	Любовь: жизнь есть любовь					
12	Странничество: человек в этой жизни всего лишь неприкаянный странник					
13	Успех, удача: мне в жизни всегда везло					
14	Близость: в моей жизни есть люди, с которыми я чувствую внутреннюю близость					
15	Бедность: моя жизнь полна бед					
16	Вредительство: мне часто вредят другие люди					
17	Ответственность: в жизни я готов нести бремя ответственности					
18	Встреча: мне приходится переживать встречи с кем-то (кем-то), что способно существенно изменить мою жизнь					
19	Уничтожение: то, что мне дорого, часто уничтожается					
20	Пронгрыш: в жизни мне приходится проигрывать					
21	Подлость: мне приходилось сталкиваться с подлыми людьми и поступками					
22	Прибыль: то, что я делаю, должно быть прибыльным					
23	Необходимость: моей жизнью правит необходимость					
24	Дружба: в жизни мне везло на друзей					
25	Духовные искания: я нахожусь в поиске истины, свободы, справедливости					

26	Риск: мне нравится рисковать					
27	Поражение: в жизни много поражений					
28	Игра: я отношусь к жизни, как к игре					
29	Бунт, протivoдействие: в жизни я следующую лозунгу: «Если тебе дали линованую бумагу, пиши поперек!»					
30	Победа: моя жизнь — череда великопленных побед над собой, другими или обстоятельствами					
31	Обязанность, обязательство: моя жизнь состоит из сплошных обязательств перед собой или другими					
32	Забота: вижу смысл жизни в том, чтобы заботиться о ком-то или о чем-то					
33	Уход, побег, эскапизм: если я не могу с чем-то в жизни справиться, лучший способ — уйти, спрятаться о проблемы, переждать, когда пока исчезнет					
34	Предательство: в жизни меня часто предавали те, кому я хотел доверять					
35	Обретение: смысл моей жизни — в каждом момент обретения чего-нибудь нужного, необходимого мне					
36	Хранение, сохранение: в жизни надо сохранять все лучшее, важное, значимое для себя и других					
37	Доброта, милосердие: я проявляю доброту и милосердие					
38	Предназначение, миссия: я знаю, что живу не просто так — своей жизнью я выполняю предназначение, важную миссию, заданную именно мне					
39	Несерьезность: к жизни не стоит относиться слишком уж серьезно					
40	Признание: хочу и добиваюсь признания					
41	Профанность, обесценивание: скорее всего, моя жизнь ничего не значит и ничего не стоит					
42	Справедливость, возмездие: я убеждаюсь, что в жизни торжествует справедливость					
43	Несчастье: моя жизнь — череда несчастий					
44	Активность, усилие: я готов приложить силы, напрячься, чтобы достичь желаемого					
45	Совместность, причастность: я чувствую себя причастным ко всему, что происходит вокруг меня					
46	Вера: главное в жизни — верить, что все идет правильно, и все получится					
47	Сбережение: я бережно сохраняю все, что считаю важным и значимым в жизни					
48	Отшельничество: самый верный путь избежать пустой суеты и страданий — уход от мира, отшельничество					
49	Улование: в трудные минуты жизни я уповаю на какие-то высшие силы, которые помогут, направят, спасут					
50	Единение: дорожу моментами единения с людьми, ощущаю себя единым целым с людьми, страной, миром					
51	Случай, фортуна: в жизни я чувствую себя игрушкой в руках судьбы					
52	Накопление: мне нравится ощущение крепкого тыла, накопленных денег, вещей, знаний, опыта					
53	Борьба: вся моя жизнь — непрестанная борьба против чего-то или за что-то, что я считаю важным					
54	Деятельность, организация: жизнь предоставляет мне шансы что-то начинать, организовывать, делать					
55	Демонстративность: в жизни часто бывает важно лишь показать, продемонстрировать то, чего от тебя ждут другие, реально этого не имея, не чувствуя и не достигая					
56	Авантюризм: считаю, что «кто не рискует, тот не пьет шампанского»					
57	Единообразие: дорожу теми, кого считаю своими единомышленниками					
58	Жертвенность: я готов пожертвовать собой ради чего-то важного, чувствую себя предназначенным в жертву					
59	Самоотдача: во все, что считаю в жизни важным, я вкладываюсь полностью					
60	Одиночество: чувствую себя одиноким, предоставленным самому себе					
61	Конфликт, спор: не избегаю споров и конфликтов, они разрешают противоречия и двусмысленности в отношениях					
62	Попытка: в жизни лучше что-то попробовать и не добиться, чем не пытаться и всю жизнь жалеть об этом					
63	Коллективность, собранность: для меня важно быть вместе со всеми, делать что-то сообща ради общей цели					
64	Охрана: считаю, что должен охранять все, что мне в жизни дорого и важно					
65	Уступчивость: верю, что иногда надо уступить даже в чем-то существенном ради еще более существенного					
66	Надежда: пока живу — надеюсь на лучшее					

67	Соперничество, состязание: моя жизнь полна скрытым соперничеством с другими				
68	Наличие: стремлюсь к переживанию, что «у меня есть и будет все, чего я хочу»				
69	Подвиг: верю, что «в жизни всегда есть место подвигу», стремлюсь к подвигам даже в мелочах				
70	Неустойчивость, незавершенность: в моей жизни нет ощущения стабильности				
71	Проба: я стремлюсь многое попробовать, примерить к своей жизни				
72	Правога: стремлюсь во всем поступать правильно и чувствовать себя правым				
73	Участность, общность: в жизни очень важно участие в тебе других людей, их желание быть вместе с тобой				
74	Метания: мне приходится метаться, меня кидает из одной крайности в другую, часто я не знаю, что мне делать				
75	Ритуальность: я знаю много ритуальных действий и процедур и считаю важными соблюдать их				
76	Помощь: я часто прибегаю к помощи других и сам всегда готов помочь				
77	Вероятность, азарт: живу азартно, рискую, рассчитываю на везенье				
78	Ошибка: моя жизнь — череда ошибок				
79	Противоречивость, амбивалентность, двойственность: ни в чем не могу достичь стабильности и определенности, всегда охочусь за двумя зайцами				
80	Поиски: ищу «от добра добра»				
81	Упорядоченность: в моей жизни все упорядочено, размерено, однозначно устроено				
82	Связь с высшим началом, просветление: в жизни у меня были случаи, когда я чувствовал «ангела за своим плечом», поддержку свыше				
83	Традиционность: в жизни я не стремлюсь к новшествам и постоянному обновлению				
84	Непостоянство: в моей жизни всегда есть место ветренности, непостоянству, частой «смене судьбы», «перемене участи»				
85	Спасение: в жизни я не раз чудесным образом уходил, спасался от большой беды				
86	Поступок, преодоление: я совершал в своей жизни то, чем горжусь				
87	Возможность: нет ничего лучше, чем открывать для себя и других новые жизненные возможности				
88	Осмысленность: нельзя тратить жизнь на пустые, бессмысленные действия				
89	Поддержка: в жизни я не раз оказывал поддержку другим людям				
90	Убежденность: у меня есть принципы, идеалы и убеждения, за которые я готов постоять				
91	Неверность, самообман: я ловлю себя на том, что поступаю вопреки себе, обманываюсь на свой счет				
92	Неудача: неудачи преследуют меня в жизни				
93	Защита: я защищаю все то, чем дорожу				
94	Творчество, креативность: мне нравится создавать в жизни новое, творить свою жизнь				
95	Удача, везение: в моей жизни случались удачи, мне везло				
96	Сверхзначимость: есть идеи, люди, действия, которые для меня важнее всего, — ради них я готов на многое				
97	Консерватизм, приверженность чему-либо: в моей жизни есть идеи, люди, действия, значение которых остается для меня неизменным очень много лет				
98	Преследование: мне приходилось становиться объектом преследования за мои идеи, поступки, образ жизни				
99	Развитие: я чувствую себя постоянно развивающимся, меняющимся, растущим, становящимся				
100	Дарение, наследование: от других людей мне доставались принципы, идеи, идеалы, убеждения				
101	Дар, способность: в жизни я чувствовал, что во мне есть дар, способность к чему-то, чем не обладают многие другие				
102	Свобода: в жизни были моменты, когда я чувствовал себя свободным «от» и свободным «для»				
103	Духовное освобождение: мой дух свободен, я готов к свершениям во имя идеи, в которую верю				
104	Служение, инвестирование, вклад своей личности в других: я рад посвящать свою жизнь другим людям, мне важно отдавать им часть своего опыта, себя самого				
105	Памятливость: я учусь на своих собственных ошибках, не наступаю на «одни и те же грабли»				

106	Зависимость: я чувствую свою зависимость от других				
107	Истовость: все, что я делаю, я делаю истово, с полной самоотдачей, до изнеможения				
108	Аскетизм: моя жизнь — жизнь без излишеств, в ней есть только самое необходимое, и это я считаю правильным				
109	Реликварность: я бережно собираю реликвии своей жизни и жизни своих близких, чтобы продлить эти жизни во времени				
110	Убыль: чувствую, что в моей жизни постепенно убывают силы, желания, намерения				
111	Духовное наставничество: в моей жизни я многом обязан людям, которых считаю своими духовными наставниками, и готов сам передавать по наследству значимые для меня принципы, смыслы, идеи				
112	Самопожертвование: в моей жизни есть люди, принципы, идеи, ради которых я готов на любые жертвы				
113	Благодеяние: в моей жизни в трудную минуту находились люди, которые делали для меня что-то необходимое мне просто так, бескорыстно, и я готов поступить так же, если это будет нужно				
114	Проповедование, убеждение: я настойчиво проповедую свои убеждения и принципы другим				
115	Бескорыстие, бесэгоизм: мне приходилось совершать бескорыстные поступки, мне ничего не надо за то, что я готов сделать для других, когда им это необходимо				
116	Исконность, простота: я живу просто, по старинке, как жили наши предки				
117	Фатализм: если я во что-то верю, то я готов заставить других разделить мои убеждения				
118	Устойчивость, постоянство, стабильность во времени: моя жизнь мало меняется, мне не нужны новации				
119	Созидание, демиургичность: Мне приходилось чувствовать себя создателем, творцом				
120	Подменность: мне приходилось жить ложными ценностями, защищать принципы, которых я не разделял				

Ключ к методике «Модусы жизни»

Модус	№.№ концептов/высказываний в опроснике
1. Жизнь как процесс постоянных утрат (Я — теряющий)	1, 5, 9, 15, 19, 20, 27, 43, 92, 110
2. Жизнь как процесс постоянного приобретения (Я — обретающий, имеющий)	2, 6, 13, 22, 35, 40, 52, 68, 99, 100
3. Жизнь как испытание (Я — проходящий испытания)	3, 29, 53, 61, 67, 78, 85, 93, 98, 120.
4. Жизнь как героизм (Я — совершающий героические действия, поступки)	4, 30, 44, 54, 69, 86, 94, 101, 113, 119
5. Жизнь как трикстерство (Я — насмехающийся и противоречащий, живущий вопреки стандарту, норме)	7, 16, 21, 34, 39, 41, 55, 70, 79, 91
6. Жизнь как авантюра (Я — рискующий и пробующий)	8, 26, 28, 51, 56, 62, 71, 77, 87, 95
7. Жизнь как долг (Я — обязующийся, обязанный)	10, 17, 23, 31, 38, 42, 72, 81, 88, 96
8. Жизнь как любовь (Я — любящий)	11, 14, 24, 32, 37, 45, 50, 57, 63, 73
9. Жизнь как странничество (Я — ищущий)	12, 18, 25, 33, 48, 60, 74, 80, 84, 102
10. Жизнь как хранение (Я — хранитель)	36, 47, 64, 75, 83, 97, 105, 109, 116, 118
11. Жизнь как вера (Я — верующий, адепт)	46, 49, 66, 82, 90, 103, 107, 111, 114, 117
12. Жизнь как жертвенность (Я — приносящий себя в жертву, служащий чему-либо)	58, 59, 65, 76, 89, 104, 106, 108, 112, 115

«избегаю» и т. д.) выбору присваивался 1 балл, указывающий на сам факт присутствия, осознания этих категорий (концептов) в автоинтерпретации. Таким образом, в каждом из 12 модусов потенциально могло быть набрано до 50 выборов, что позволяло выстроить и анализировать индивидуальные и групповой возрастные профили предпочитаемых модусов. Модусы, набравшие максимум баллов, мы считали ведущими для данной личности или возрастной группы в целом; в анализе нам был важен сам факт фиксации сознания респондента именно на этих, а не на других аспектах жизни, выделение их как значимых для субъекта из общего течения жизненных событий и происшествий, поэтому мы не исключали колонку «избегаю». Модусы, набравшие минимум баллов, мы полагали отвергаемыми личностью (или возрастной группой) как жизненные прецеденты и стратегемы.

Анализ полученных данных продемонстрировал достоверные существенные различия в возрастных особенностях самодетерминации через автобиографирование.

В группе *молодых респондентов* по 12 модусам были получены следующие данные: 1) $M = 14,925$, $s = 2,46$; 2) $M = 15,775$, $s = 2,27$; 3) $M = 19,45$, $s = 3,54$; 4) $M = 11,075$, $s = 1,82$; 5) $M = 25,275$, $s = 3,59$; 6) $M = 23,7$, $s = 3,40$; 7) $M = 11,975$, $s = 2,48$; 8) $M = 18,6$, $s = 5,04$; 9) $M = 14,5$, $s = 3,63$; 10) $M = 11,525$, $s = 2,31$; 11) $M = 12,05$, $s = 2,62$; 12) $M = 9,4$, $s = 2,42$. По нарастающей предпочтение определенных модусов может быть представлено следующим образом: 12 (максимально отвергаемый) → 4 → 10 → 7 → 11 → 9 → 1 → 2 → 8 → 3 → 6 → 5 (максимально предпочитаемый).

Полученные показатели позволяют заключить, что в этой возрастной группе предпочитаемыми жизненными модусами оказались «жизнь как трикстерство», «жизнь как авантюра». Несерьезное, поверхностное, порой легкомысленное отношение к собственной жизни может быть, на наш взгляд, связано с распространением у современных молодых людей «синдрома Питера Пэна» [32] и эриксоновской диффузии идентичности, с тяготением к показушным внешнестатусным характеристикам не подтвержденным реальными достижениями человека («иметь, а не быть», «казаться, а не являться»), к жизни без усилий, без преодоления и глубокого обдумывания последствий совершения определенных жизненных акций. Некоторый интерес был выражен к модусу «жизнь как испытание» с его внутренними интенциями к бунту, противодействию, конфликту, соперничеству и модусу «жизнь как любовь» (преимущественно в женской части выборки). Это мы склонны объяснять не только характерными для возраста исканиями референтности и интимности, защитой собственной личности, но также и некоторым бытующим в современной студенческой среде страхом перед необходимостью преодолевать возможные жизненные трудности, отгораживанием от них агрессией, защитными механизмами, эскапизмом от жизненных реалий, попытками демонстрации часто реально отсутствующей личностной силы.

Отвергаемыми в группе молодых респондентов оказались модусы «жизнь как жертвенность», «жизнь как героизм», «жизнь как долг», «жизнь как хранение», «жизнь как вера». Это позволило заключить, что, вероятно, молодые респонденты не готовы к подвигам ни во имя чего и не считают необходимым хранить и усваивать опыт своей культуры, общества, группы; они почти не знают традиций и не тяготеют к их сохранению, предпочитают жить свободно, динамично, без обязательств, не оглядываясь на прошлое, жаждая бесконечной новизны и остроты жизненных ощущений. У всех молодых респондентов обнаружилось минимальное заполнение графы «только если я захочу», что косвенно говорит о том, что они в массе не готовы брать жизнь под контроль, управлять свершающимися в ней событиями, преодолевать собственную инерцию, склонны «плыть по течению», подчиняясь «судьбе», а часто и бездействовать.

В младшей возрастной группе прослеживается тяготение к следующим сюжетным схемам: «запреты» (в автобиографии присутствует плот нарушения запретов, преодоления чужих рекомендаций и требований), «накопление» (денег, дипломов, статуса, связей и пр.), «конфликт» (с родительской и прародительской семьей, с ровесниками, с представителями своего и противоположного пола, с детьми, соседями, учителями, наставниками, тренерами, начальством, властями и пр.), «ошибка» (человеку что-то недодали, спутали с другим и наказали, обвинили, отобрали), «преследование» (эта паранойяльная линия встречалась довольно часто в комментариях), «борьба» (как правило, это борьба не «за», а «против» — ограничений, условностей, ханжества), «неверность» (практически каждый пережил ее, хотя отрицает, что был кому-то или чему-то не верен сам), «предательство», «подлость», «риск» (отнесен к положительным категориям), «игра», «случай», «справедливость», «любовь», «одиночество», «свобода», «надежда».

Таким образом, как показывает наше исследование, автобиографирование молодых респондентов сфокусировано не на стремлении к личным достижениям, преодолениям, романтическому самоутверждению, не на жажде подвигов и славы, освоении категорий смысла и временных трансспектив, как можно было бы полагать, опираясь на знания возрастной психологии, а на противодействии принятому во взрослой среде экзистенциальному порядку, на конфликте, борьбе, преодолении ограничений своей свободы, ломке запретов, несерьезном, трикстерском отношении к жизни, полагании на случай, везение.

В какой-то мере такая внутренняя семантическая картина 18–25-летних респондентов напоминает подростковую, что заставляет задуматься о еще большем удлинении современного детства и отмеченном нами ранее «бегстве от взросления». Стоит добавить, что молодые респонденты довольно активно заполняли графу «уже было в моей жизни», включая в нее практически все приведенные категории, и очень мало — графу «хочу, чтобы это свершилось», что косвенно говорит о преувеличении объема собственного опыта,

поверхностном отношении к содержащимся в них смыслам (для примера достаточно будет указать эпатажный (или случайный, небрежный при заполнении) факт отнесения категории «осмысленность» в графу «хотел бы этого избежать» некоторыми молодыми респондентами), а также о слабых интенциях к экзистенциальному планированию жизни и себя, опоре на случайности в течение жизни.

В группе *взрослых испытуемых* получены следующие значения по всем 12 модусам: 1) $M = 16,1, s = 3,77$; 2) $M = 16,85, s = 4,09$; 3) $M = 14,65, s = 2,93$; 4) $M = 22,525, s = 4,52$; 5) $M = 12,9, s = 3,75$; 6) $M = 16,525, s = 4,03$; 7) $M = 19,3, s = 4,80$; 8) $M = 21,325, s = 3,79$; 9) $M = 15,225, s = 3,48$; 10) $M = 13,025, s = 5,22$; 11) $M = 14,9, s = 3,69$; 12) $M = 20,1, s = 3,55$. По нарастанию предпочтений определенных модусов полученная картина выглядит следующим образом: 5 (максимально отвергаемый) → 10 → 3 → 11 → 9 → → 1 → 6 → 2 → 7 → 12 → → 8 → 4 (максимально предпочитаемый).

В качестве предпочитаемых избирались модусы: «жизнь как героизм», «жизнь как долг», «жизнь как жертвенность» и «жизнь как любовь». Отвергаемыми оказались модусы: «жизнь как трикстерство», «жизнь как хранение». Эти результаты кажутся вполне предсказуемыми: достаточно жестко ориентированная социализация этого поколения, прямое давление идеологии, отчетливо осознаваемая система ограничений и регламентаций, многочисленные санкции и косвенные запреты, вмененный бытовой аскетизм, установки на личную скромность и воспитание в духе «раньше думай о Родине, а потом о себе» обеспечили «проходимость» фактически только одной жизненной «тропы», сделав жизнь старшего поколения несколько «выпрямленной» и экзистенциально «плоской», одномерной.

Восприятие жизни через категории «долг» и «жертва», на наш взгляд, делает жизненный путь эмоционально трудным для личности, лишает ее спонтанности, самости и *joie de vivre*. Она превращается в психически изнурительный процесс, постоянно держащий человека в напряжении и не оставляющий простора, чтобы почувствовать себя свободным, расставить ценности и мотивы по собственному желанию и разумению, «отпустить себя», позволить себе быть самим собой, почувствовать свою значимость и пр. Такая жизнь часто, особенно в приближении к пожилому возрасту, требует какого-то утешения, вознаграждения, компенсации, «ухода» от исповедуемых упорядоченности и самоограничений. Человек с такими модусами постоянно чувствует себя не-

дооцененным, неотблагодаренным и неудовлетворенным жизнью, поэтому для него всегда есть риск ухода в себя, склонности к алкоголизму, мизантропии, депрессии, педантизму. В какой-то мере это объясняет повсеместное соединение модусов «жизнь как жертвенность», «жизнь как долг» с модусом «жизнь как любовь» — вера в любовь, спасающую людей и мир, крепко укоренена в сознании многих взрослых респондентов. Безусловно, сказанное вовсе не значит, что вторичная социализация частично не исправила выпрямленности первичной, и на это указывают комментарии к частотному выбору таких сюжетных схем этих и других модусов, как «признание», «накопление», «развитие», «достижение», «подвиг», «творчество», «созидание», «профанность», «выбор», «случай», «удача», «долг», «ответственность», «справедливость», «любовь», «близость», «дружба», «забота», «коллективность», «духовные искания», «свобода», «исконность», «вера», «надежда», «связь с высшим началом», «самоотдача», «помощь», «бескорыстие». Эти «биографемы» менее эгоцентричны, сильнее ориентированы на межличностные отношения, более гуманистичны и многоплановы. Наши взрослые респонденты по сравнению с молодыми кажутся более стойкими, умеющими «делать добро из зла, потому что больше его не из чего делать», а также способными радоваться простым радостям, находя их повсюду.

Для модусов 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11 и 12 достоверность межгрупповых различий подтверждена использованием t -критерия Стьюдента при обработке результатов методики (уровень значимости $p < 0,01$); в отношении модусов 1, 2, 9 и 10 значимых различий между взрослыми и молодыми респондентами не установлено (хотя модус 10 отвергнут обеими группами респондентов).

Таким образом, выбираемые экзистенциальные модусы в возрастных группах взрослых и молодых респондентов, отражающиеся в поведении и стратегиях жизни, заметно различаются, что, видимо, может объяснять и часто отмечаемый недостаток взаимопонимания между поколениями. Также различается и семантическое пространство автобиографирования, что, вероятно, связано как с возрастными характеристиками и поколенческими (когортными) целями, так и с общей современной сменой жизненных ценностей и смысловых ориентиров. В терапевтическом плане выбор модусов «трикстерство» и «авантюризм» в группе молодых респондентов, на наш взгляд, должен вызывать определенные опасения как феноменологический признак невзросления, «бегства от взрослости».

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: Взлет и падение метафоры. М., 2009.
2. Бабина Н. А. Истоки и черты структурализма Х. Уайта // Интеллектуальная культура исторической эпохи: Материалы II Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2007.
3. Барт П. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М., 1987.

4. Барт П. Camera lucida. М., 1997.
5. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003.
6. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
7. Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка // Л. С. Выготский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Научное наследие. М., 1984.
8. Демидов А. Б. Феномены человеческого бытия. Минск, 1997.

9. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М., 1965.
10. Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978.
11. Копосов Н. Е. Замкнутая вселенная символов: к истории лингвистической парадигмы // Социологический журнал. 1997. № 4.
12. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001.
13. Кузнецов И. В., Максимова Н. В. Текст в становлении: оппозиция «нарратив-ментатив» // Критика и семиотика. Вып. 11. Новосибирск, 2007.
14. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
15. Леонтьев А. А. Деятельный ум. (Деятельность. Знак. Личность.) М., 2001.
16. Леонтьев А. А. Язык как социальное явление (К определению объекта языкознания) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 35. Вып. 4. М., 1976.
17. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
18. Леонтьев Д. А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. С. Мазур, А. И. Сосланда. М., 2001.
19. Лосев А. Ф. Самое само // Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. М., 1994.
20. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992.
21. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М., 2000.
22. Низовских Н. А. Человек как автор самого себя. Психосемантическое исследование жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности. М., 2007.
23. Олейников А. А. История: событие и рассказ. Критический анализ философии нарративной формы. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1999.
24. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
25. Польти Ж. 36 драматических ситуаций. Наиболее известная система построения сюжетов. Электронный ресурс: <http://www.kinocafe.ru/theory/?tid=51701> 28.12.2010
26. Протт В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.
27. Седаков Н. Э. Архетипы бытия и символы культуры (Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде): Дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М., 2004.
28. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М., 2004.
29. Скребицова Т. Г. Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера // *Respectus Philologicus*. 2002.
30. Собчик Л. Н. Модифицированная методика Сонди: (тест восьми влечений): Метод портретных выборов — адаптированный тест Сонди. Методическое пособие. СПб., 2007.
31. Сонди Л. Судьбоанализ. М., 2007.
32. Степанов С. С. Мифы и тупики поп-психологии. Дубна, 2006.
33. Тульчинский Г. Л. Возможное как сущее // Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб., 2001.
34. Франц М., Хендерсон Дж. Л., Юнг К. Г. Человек и его символы. М., 2006.
35. Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. М., 2000.
36. Хиттика Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
37. Эпштейн М. Н. Жизнь как тезаурус // Московский психотерапевтический журнал: теоретико-аналитическое издание / Т. В. Снегирева, Ф. Е. Василюк, В. В. Архангельская. М., 2007. № 4 (55).
38. Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб., 2001.
39. Booker Ch. The Seven Basic Plots. Why We Tell Stories. London, N. Y., 2004.
40. Bourdieu P. L'illusion biographique // *Actes de la Recherche en Sciences sociales*. 1986. № 62—63.
41. Czarniawska B. Narratives in Social Science Research. L., 2004.
42. Mink L. History and Fiction as Modes of Comprehension // *New Literary History*. 1970. Vol. 1.
43. Strawson G. Against Narrativity // *Ratio (new series)*. 2004. T. XVII. № 4.

Autobiographic Activities as the Process of Personal Self-Determination*

Е. Е. Сапогова

Doctor in Psychology, professor, head of the Psychology chair of Tula State University

The article provides the analysis of autobiographic activity process, describes its social and mental planes, and argues autobiographic texts as the midline between narratives and mentatives. The main processes of autobiographic activity are regarded: awareness of the narrative's goal, creating self-sufficient spoken message, using individual meaning biographic thesaurus, orientation towards individually selected precedents, development of personality's private mental space. The notions of plot scheme and living (existential) modus of autobiographic activities are introduced. The hypothesis of connections of the main plot schemes and living modi with leading human existential is suggested and grounded. The twelve modi (life as duty, life as loss, life as heroic deed, life as tricksterhood, life as adventure etc.) are figured out and empirically investigated with the use of the author's semi-projective inventory «Living modi». The generalized results of the author's research of preferred living modi and plot schemes in the groups of young (18—25 years old) and mature (40—52 years old) respondents are provided.

Keywords: autobiographic activities, narrative, mentative, social and mental planes of autobiography, plot scheme, living (existential) modus, semantic space of an autobiographic text, self-determination, identity, privacy.

* The article is prepared in 2011 with the support of the Russian Fund of Fundamental Research (grant № 10-06-00152 a).

References

1. *Ankersmit F. R.* Istoriya i tropologiya: Vzlet i padenie metafory. M., 2009.
2. *Babina N. A.* Istoki i cherty strukturalizma H. Uaita // Intellektual'naya kul'tura istoricheskoi epohi. Materialy II Vserossiiskoi nauchnoi konferencii. Ekaterinburg, 2007.
3. *Bart R.* Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatel'nyh tekstov // Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.: Traktaty, stat'i, esse. M., 1987.
4. *Bart R.* Camera lucida. M., 1997.
5. *Bahtin M. M.* Avtor i geroy v esteticheskoi deyatelnosti. Problema otnosheniya avtora k geroyu // Bahtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-h godov. M., 2003.
6. *Bulgakov S. N.* Svet nevechernii: Sozercaniya i umozreniya. M., 1994.
7. *Vygotskii L. S.* Orudie i znak v razvitii rebenka // L. S. Vygotskii. Sobr. soch.: V 6 t. T. 6. Nauchnoe nasledstvo. M., 1984.
8. *Demidov A. B.* Fenomeny chelovecheskogo bytiya. Minsk, 1997.
9. *Ivanov V. V., Toporov V. N.* Slavyanskie yazykovye modeliruyushie semioticheskie sistemy (drevnii period). M., 1965.
10. *Kon I. S.* Otkrytie «Ya». M., 1978.
11. *Koposov N. E.* Zamknutaya vseennaya simvolov: k istorii lingvisticheskoi paradigmy // Sociologicheskii zhurnal. 1997. № 4.
12. *Kubryakova E. S.* O tekste i kriteriyah ego opredeleniya // Tekst. Struktura i semantika. T. 1. M., 2001.
13. *Kuznecov I. V., Maksimova N. V.* Tekst v stanovlenii: oppozitsiya «narrativ-mentativ» // Kritika i semiotika. Vyp. 11. Novosibirsk, 2007.
14. *Lakoff Dzh.* Zhenshiny, ogon' i opasnye veshi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. M., 2004.
15. *Leont'ev A. A.* Deyatel'nyi um. (Deyatel'nost'. Znak. Lichnost'.) M., 2001.
16. *Leont'ev A. A.* Yazyk kak social'noe yavlenie (K opredeleniyu ob'ekta yazykoznaniya) // Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. T. 35. Vyp. 4. M., 1976.
17. *Leont'ev A. A.* Yazyk, rech', rechevaya deyatelnost'. M., 1969.
18. *Leont'ev D. A.* Zhiznetvorchestvo kak praktika rasshireniya zhiznennogo mira // 1-a Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya po ekzistencial'noi psikhologii: Materialy soobsheniya / Pod red. D. A. Leont'eva, E. S. Mazur, A. I. Soslanda. M., 2001.
19. *Losev A. F.* Samoe samo // Losev A. F. Mif–Chislo–Sushnost'. M., 1994.
20. *Mamardashvili M. K.* Kak ya ponimayu filosofiyu. M., 1992.
21. *Mamardashvili M. K.* Estetika myshleniya. M., 2000.
22. *Nizovskikh N. A.* Chelovek kak avtor samogo sebya. Psihosemanticheskoe issledovanie zhiznennyh principov v strukture samorazvivayusheysya lichnosti. M., 2007.
23. *Oleinikov A. A.* Istoriya: sobytie i rasskaz. Kriticheskii analiz filosofii narrativnoi formy. Diss. ... kand. filos. nauk. M., 1999.
24. *Petrenko V. F.* Psihosemantika soznaniya. M., 1988.
25. *Pol'ti Zh.* 36 dramaticheskikh situacii. Naibolee izvestnaya sistema postroeniya syuzhetov. Elektronnyi resurs: <http://www.kinocafe.ru/theory/?tid=51701> 28.12.2010
26. *Propp V. Ya.* Morfologiya volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. M., 1998.
27. *Sedakov N. E.* Arhetipy bytiya i simvol'y kul'tury (Karl Gustav Yung i Mircha Eliade): Diss. ... kand. filos. nauk: 09.00.03. M., 2004.
28. *Silant'ev I. V.* Poetika motiva. M., 2004.
29. *Skrebцова T. G.* Yazykovye blendy v teorii konceptual'noi integracii Zh. Fokone i M. Ternera // Respectus Philologicus. 2002.
30. *Sobchik L. N.* Modificirovannaya metodika Sondy (test vos'mi vlechenii): Metod portretnykh vyborov – adaptirovannyi test Sondy. Metodicheskoe posobie. SPb., 2007.
31. *Sondi L.* Sud'boanaliz. M., 2007.
32. *Stepanov S. S.* Mify i tupiki pop-psihologii. Dubna, 2006.
33. *Tul'chinskii G. L.* Vozmozhnoe kak sushee // Epshtein M. N. Filosofiya vozmozhnogo. SPb., 2001.
34. *Franc M., Henderson Dzh. L., Yung K. G.* Chelovek i ego simvol'y. M., 2006.
35. *Henningsen Yu.* Avtobiografiya i pedagogika. M., 2000.
36. *Hintikka Ya.* Logiko-epistemologicheskie issledovaniya. M., 1980.
37. *Epshtein M. N.* Zhizn' kak tezaurus // Moskovskii psihoterapevticheskii zhurnal: teoretiko-analiticheskoe izdanie / T. V. Snegireva, F. E. Vasilyuk, V. V. Arhangel'skaya. M., 2007. № 4 (55).
38. *Epshtein M. N.* Filosofiya vozmozhnogo. SPb., 2001.
39. *Booker Ch.* The Seven Basic Plots. Why We Tell Stories. London, N. Y., 2004.
40. *Bourdieu P.* L'illusion biographique // Actes de la Recherche en Sciences sociales. 1986. № 62–63.
41. *Czarniawska B.* Narratives in Social Science Research. L., 2004.
42. *Mink L.* History and Fiction as Modes of Comprehension // New Literary History. 1970. Vol. 1.
43. *Strawson G.* Against Narrativity // Ratio (new series). 2004. T. XVII. № 4.